

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ФУРАШОВА

5 декабря 2015 г. исполняется 80 лет известному в России и за рубежом ученому-языковеду Владимиру Ивановичу Фурашову, профессору кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, отличнику народного просвещения СССР и РСФСР, Заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации.

Вся научная и педагогическая деятельность В.И. Фурашова целиком связана с Владимирским педагогическим институтом (и университетом). В течение 13 лет он заведовал кафедрой русского языка на венгерском отделении и 7 лет — кафедрой русского языка на филологическом факультете, полвека отдал Владимир Иванович преподавательской работе, принял участие в подготовке многих тысяч учителей русского языка и литературы для школ нашей страны и Венгрии.

Бережно относясь к традициям русского языкознания, В.И. Фурашов проявил себя как настоящий новатор в области синтаксического членения предложения: он предложил уникальную парадигматическую концепцию членов предложения, разработал шкалу атрибутивной валентности имен существительных. Владимир

Иванович — автор нескольких монографий и около 200 печатных научных и научно-методических работ, многие из которых опубликованы в центральных журналах: «Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Русская речь».

Под руководством В.И. Фурашова защищено 11 диссертаций. Он долгое время являлся членом ряда Научно-методических советов по русскому языку Министерства просвещения СССР, РСФСР, Российской Федерации, был членом диссертационного совета по русскому и германскому языкознанию при Ивановском государственном университете.

Добросовестный труженик, мудрый наставник, обаятельный, общительный, строгий и снисходительный одновременно, Владимир Иванович пользуется заслуженным уважением и любовью коллег и студентов.

ШКАЛА АТРИБУТИВНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ МЕСТОИМЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ*

В.И. Фурашов

Под валентностью обычно понимается свойство «определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова» [4: 31]. Атрибутивная валентность субстантивных слов, в том числе и местоименных, реализуется в их сочетаемости с атрибутивными распространителями, прежде всего, — с прилагательными и причастиями.

По характеру сочетаемости с атрибутивными распространителями различные классы субстантивных слов выстраиваются в определенную последовательность, размещаясь на своего рода шкале. На верхнем полюсе занимают место субстантивные слова с максимальными возможностями атрибутивной валентности (синсемантические имена нарицательные, неопределенные и отрицательные местоименные существительные). На нижнем полюсе располагаются субстантивные слова с минимальными возможностями атрибутивной валентности (личные, возвратные, указательные, относительные, определительные местоименные субстантивные слова). Между указанными полюсами сверху вниз располагаются автосемантические неопределенные и отрицательные местоименные существительные, основная масса имен нарицательных, причем ближе к нижнему полюсу те из них, которые обозначают людей по родству, профессии, титулам, званиям и т.д. [7: 23—29], а также имена собственные.

Положение субстантивного слова на шкале атрибутивной валентности связано с его принадлежностью к определенной части речи (существительное или место-

* Впервые статья была опубликована в сборнике «Русские местоимения: семантика и грамматика» // Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1989. С. 82—92.

Статья печатается в авторской редакции. — *Прим. редколлегии.*

имение), к известному лексико-грамматическому разряду внутри данной части речи (существительное собственное и нарицательное, местоимение личное и неопределенное и т.п.), с характером референции, с отношением к категории определенности/неопределенности, с автосемантической/синсемантической слова, с характером речевой конкретизации, с принадлежностью к «данному» или «новому» в высказывании, с синтаксической функцией в предложении и порядком следования его членов.

Синсемантические субстантивные слова сами по себе вполне значимые элементы лексики, однако в речи они нуждаются в конкретизации, поскольку обнаруживают информативную недостаточность, которая обычно восполняется лексическим путем [13: 59—60]: они обязательно сочетаются с атрибутивными распространителями, входя в предложение в виде дескрипций, синтаксически нечленимых сочетаний, функционирующих в роли единого члена предложения: В глазах ее блестело *озорное выражение* (А. Фадеев), где существительное *выражение* без прилагательного *озорное* не может выражать требуемых смысловых отношений, т.е. быть подлежащим в данном предложении.

В основе значений таких существительных «лежит сигнификат в виде общего признака, неполного и далеко не очерченного понятия и денотат — в виде самого общего представления предметности» [11: 109].

Напротив, субстантивные слова, располагающиеся на нижнем полюсе шкалы атрибутивной валентности (личные, возвратные, указательные, относительные, определительные местоименные существительные), представляют собой класс лингвистических индивидуалий, которые не могут быть идентифицированы иначе как посредством речевого акта [1: 286, 314], и в этом смысле местоимения указанных разрядов — «чисто реляционные слова» [15: 470].

Близки к указанным разрядам местоимений и имена собственные, тоже представляющие собой индивидуализирующие номинации, соотносимые в речи со строго определенным денотатом и обозначающие какой-либо «индивидуальный объект, заранее известный участникам акта речевого общения» [5: 165].

Синсемантические субстантивные слова получают в предложении соответствующую определенность (индивидуализацию, конкретизацию) за счет грамматически зависимых от них слов, а субстантивные слова, расположенные на нижнем полюсе шкалы атрибутивной валентности, актуализируются, индивидуализируются, получают определенную референтную отнесенность в речевой ситуации и контексте. Конкретизацию первого рода можно назвать лексико-синтаксической, а второго — конситуативной.

Между явлениями конкретизации субстантивных слов и их атрибутивной валентностью наблюдается следующая зависимость: атрибутивная валентность субстантивного слова прямо пропорциональна его лексико-синтаксической конкретизации и обратно пропорциональна конситуативной конкретизации. Конситуативно конкретизированные субстантивные слова семантически слабо связаны с атрибутивными распространителями, обычно отталкивают их от себя, не образуют с ними словосочетаний, в связи с чем атрибутивные распространители обособ-

ляются, а при наличии соответствующих условий наблюдаются явления присоединения и парцелляции. Субстантивные слова с лексико-синтаксической конкретизацией, напротив, обнаруживают сильную семантическую связанность с атрибутивными распространителями, притягивают их к себе, свободно образуют с ними словосочетания, так что атрибутивные распространители редко обособляются, обычно контактны по отношению к определяемому, а явления присоединения и парцелляции исключаются.

Личные местоимения обобщенно выражают значение класса субстантивов, тесно связаны с конкретной речевой ситуацией и, в отличие от имен нарицательных, не имеют единой и постоянной референции [1: 286]. В речи личные местоимения подвержены конситуативной конкретизации. В массовых случаях прилагательные и причастия при личных местоимениях в строе предложения выступают в роли обособленных согласованных определений, совмещающих атрибутивную семантику с полупредикативностью и обстоятельственными оттенками значения. Такие определения употребляются в основном при подлежащем, возможны как в препозиции, так и в постпозиции, бывают контактными и дистантными, распространенными и нераспространенными.

Обособленные определения, препозитивные по отношению к подлежащему, чаще всего встречаются в предложениях, построенных по модели «определение + подлежащее + сказуемое» (ОПС); они имеют обстоятельственные оттенки значения — причины, уступки, условия и др., например:

Бедная кляча словно предугадывала свою участь: всегда смиренная и покорная, она в этот раз фыркала, мотала головою и беспрестанно озиралась (Д. Григорович); *Раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса* (М. Лермонтов).

При лексической субстантивации личного местоимения обособление может отсутствовать: *Прежде заветный он казался полубогом, а нынче заветный он — будущий генерал или владелец пятисот душ* (А. Писемский).

Дистантные обособленные определения немногочисленны на фоне контактных: модель ОСП представлена в текстах значительно реже модели ОПС. Дело в том, что личные местоимения, как конситуативно конкретизированные слова, обычно не употребляются в роли подлежащего в предложениях с описательным порядком слов. Порядок слов тесно связан с характером их конкретизации, а также с актуальным членением предложения. В предложениях с повествовательным порядком слов («подлежащее + сказуемое») подлежащее значительно чаще представлено конситуативно конкретизированным словом, нежели в предложениях с описательным порядком слов. При повествовательном порядке слов подлежащее, выраженное личным местоимением, обычно соответствует «данному» (теме), а в роли «нового» (ремы) личные местоимения встречаются в исключительных случаях — в синтагматически зависимых высказываниях [6: 87].

В предложениях с описательным порядком слов (модель ОСП) обособленное определение имеет оттенок значения, характеризующий состояние предмета (лица) и близко передаваемый оборотом с формой *будучи*. Ср.: *На самом верху лежит*

девка. Сонная, изморенная зноем, поднимает она голову и глядит на встречных (А. Чехов). — *Будучи сонной, изморенной зноем, поднимает она голову...*

В предложениях модели СОП определения возможны лишь при лексической субстантивации личных местоимений: *Говорила, что у нее был таинственный он, монтер с фабрики* (С. Сергеев-Ценский).

Обособленные определения, постпозитивные по отношению к подлежащему, встречаются в предложениях моделей ПСО, ПОС и СПО (ряд выстроен с учетом снижения употребительности). В предложениях модели ПСО обособленные определения, оторванные от подлежащего сказуемым, свободно вступают с последним в семантическую связь, на почве которой возникают обстоятельственные оттенки значения:

— *А я-то ищу тебя... — начала она [Варя] обрадованно и смолкла, напуганная его безумным видом* (А. Фадеев); *Часа через два я сидел уже в телеге, напутствуемый советами приятеля* (В. Короленко).

Здесь возможны также явления присоединения и парцелляции: *Вот она встает перед ним: вечно хлопочущая о нем... Гнущая спину над шитьем, переписывающая его спешные работы, бегающая по редакциям...* (Т. Щепкина-Куперник). Ср. невозможность присоединения или парцелляции при синсемантической «базовой структуры»: *С одной стороны сада липы смутно зеленели, облитые неподвижным бледно-ярким светом; с другой — они стояли все черные и непрозрачные* (И. Тургенев).

Обстоятельственные оттенки значения отмечаются и у обособленных определений в предложениях модели ПОС: *Лейтенант, обнаружив отсутствие револьвера, вызвал денщика; узнав, что револьвер пропал, он, обычно корректный, сдержанный, ударил денщика со всего размаха в ухо* (Н. Островский). Особенностью предложений модели СПО является то, что сказуемое в них представлено только ограниченным кругом глаголов (речи-мысли, пребывания в состоянии и перемещения в пространстве):

— *Лошадей мне, пожалуйста, поскорей!* — сказал я, не слишком-то довольный предшествовавшей мне молвой (В. Короленко); *Вышли они оттуда через минуту, слегка смущенные и потные от банной духоты* (Л. Леонов).

Прилагательные и причастия при личных местоимениях в косвенных падежах в изученных нами текстах встречаются в десять раз реже, чем при личных местоимениях в им. пад. Особенно редки они в препозиции по отношению к определяемому, где обособленные определения осложнены обстоятельственными оттенками значения: *Многое, хотя и недостойному, мне было открыто* (Л. Толстой); *К этому времени Варвара разъехалась с сыном. Привыкнув к нужде, ее било даже и самое крохотное благополучие* (Л. Леонов).

Постпозитивные обособленные определения при личных местоимениях в косвенных падежах в сравнении с соответствующими определениями при определяемом в им. пад. значительно реже бывают дистантными и не всегда имеют обстоятельственные оттенки значения. Ср.: *Жизнь ее [Катюши Масловой] с теми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будет трудна ей, избалованной*

сладостью господской жизни (Л. Толстой); *Она хотела повернуть назад, но безотчетно пошла вперед и, дойдя до переулка, свернула в него, узкий и пустынный* (М. Горький).

Подобно личным местоимениям, некоторые другие местоименные существительные обнаруживают синтагматическую несовместимость с атрибутивными распространителями. Такие местоименные слова, замещая имена существительные, в речи тоже оказываются конситуативно конкретизированными и поэтому не нуждаются в атрибутивных распространителях, отталкивают их от себя, что приводит к обособлению определений.

Обособленные определения чаще всего относятся к подлежащему. В препозиции они чрезвычайно редки и возможны, например, при указательных местоимениях в предложениях модели ОПС: *Андрей отправился во взвод охраны и вынес оттуда подушку. Не рискуя проходить с ней по коридору отдела, он передал ее в форточку Туманцеву — тронутый такой заботой, тот даже улыбнулся* (В. Богомолов).

Обособленные определения при указательных, возвратных, определительных, относительных и др. местоименных существительных с конситуативной конкретизацией обнаруживают много общего с определениями при личных местоимениях: относятся в основном к подлежащему, могут быть распространенными и нераспространенными, обычно имеют обстоятельственные оттенки значения; прилагательные и причастия в конце предложения могут парцелироваться. Различия сводятся к следующему: при указательных, определительных, относительных и др. местоименных существительных по сравнению с личными местоимениями снижается употребительность прилагательных и активизируются причастия, почти полностью отсутствуют определения в препозиции, а постпозитивные определения в основном контактны. Все это свидетельствует о снижении способности к синтагматическому отталкиванию атрибутивных распространителей.

Обособленные определения при подлежащем наиболее широко представлены в предложениях модели ПОС. Они контактны по отношению к подлежащему, могут быть распространенными и нераспространенными и имеют те же обстоятельственные оттенки значения, что и соответствующие определения при личных местоимениях:

Все его семейство состоит из одного сынишки, в котором он души не чает и который, воспитанный таким отцом, вероятно, пойдет далеко (И. Тургенев); *Автоном Петрович постучался к своему соседу Герасиму Леонтьевичу. Тот, еще не одетый, выглянул в раскрытую дверь...* (Н. Островский).

Обстоятельственные оттенки значения отсутствуют у обособленных определений в предложениях модели СПО, что связано с отрывом определения от сказуемого. Напротив, в предложениях модели ПСО эти оттенки вполне отчетливы: определения контактны по отношению к сказуемому. Ср.: *Потом стало бледнеть все, оставшееся позади, — сказывалась многомесячная усталость* (Л. Леонов); *Тишина нарушалась только звоном колокольчика, который гулко носился в воздухе, отдаваемый эхом ущелья* (В. Короленко).

Обособленные определения при определяемом в косвенных падежах постпозитивны, контактны и обычно лишены обстоятельственных оттенков значения: эти оттенки чаще всего возникают тогда, когда предикативный признак, обозначенный сказуемым, и полупредикативный признак, обозначенный обособленным определением, располагаются на одной оси: *Долгие дни жил в тайной тревоге, все думая, куда же засунул я это, необходимое мне?* (М. Горький); *И он был такой непохожий на себя, недавнего, грозного...* (Л. Леонов).

Неопределенные и отрицательные местоименные существительные, подобно личным, указательным, возвратным, определительным и относительным местоименным существительным, не образуют словосочетаний с препозитивными прилагательными и причастиями и тем самым противопоставляются именам нарицательным. Правда, неопределенные местоименные существительные образуют словосочетания с постпозитивными прилагательными (*кто-то чужой, нечто пережитое*). По сочетаемости с постпозитивными прилагательными и причастиями неопределенные местоименные существительные противопоставлены всем прочим местоименным существительным уже на уровне словосочетания. В предложении же сочетаемостные возможности местоименных существительных менее ограничены: препозитивные прилагательные и причастия могут быть встречены при личных, возвратных, неопределенных и отрицательных местоименных существительных, хотя в двух последних случаях они воспринимаются как инверсированные. Ср.: *А он [Бабаев], тепереиший он, завтра утром пойдет к командиру с докладом* (С. Сергеев-Ценский); *Прежнего меня все равно уже не было, да и не могло быть* (И. Бунин); — *Да это что-то таинственное, — промолвил Литвинов, садясь возле него. — Вам словно не по себе, Созонт Иваныч? — Нет, мне ничего; и таинственного тоже ничего нет* (И. Тургенев); *Никита видел, что со стороны черневшегося чего-то неслись сухие продолговатые листья...* (Л. Толстой).

В строе предложения наблюдаются массовые случаи сочетаемости неопределенных и отрицательных местоименных существительных с необособленными постпозитивными определениями (прилагательными и причастиями) на фоне почти полного отсутствия такой сочетаемости у местоименных существительных других разрядов. По мысли Л.В. Щербы, «в таких сочетаниях, как *на сцене появилось нечто воздушное, ничем хорошим не могу вас порадовать*, можно спрашивать себя, что к чему относится: *нечто* к *воздушное*, *хорошим* к *ничем* или наоборот» [14: 69].

Наличие тесной связанности компонентов в таких сочетаниях дает повод квалифицировать их в предложении как синтаксически нечленимые. Есть мнение, что прилагательные и причастия, относящиеся к неопределенным и отрицательным местоимениям, частично субстантивируются [3: 43; 8: 159; 9: 14—22; 10: 34—46; 12: 302].

В качестве инструмента анализа здесь было бы целесообразно, на наш взгляд, использовать методику лингвистического эксперимента, материалы которого позволили бы установить не только степень субстантивации прилагательных и причастий, но и степень связанности компонентов в составе целого.

Наиболее тесной представляется спаянность компонентов в таких сочетаниях, где местоименный и именной компоненты друг без друга немыслимы, поскольку устранение любого из них приводит к разрушению семантической структуры предложения: ни один из компонентов без сочетания с другим не может выражать в предложении тех смысловых отношений, которые выражаются членами предложения. Устранение любого из компонентов сочетания дает в распоряжение лингвиста «отрицательный языковой материал», на основании которого можно сделать два важнейших вывода: 1) местоименный компонент синсемантический, 2) именной компонент не подвергается субстантивации. В противном случае каждый из них мог бы стать самостоятельно, без помощи другого, соответствующим членом предложения. Ср. примеры:

Самое построение храмов было всегда так полно мистических обрядов, иносказаний, таинственных посвящений, что средневековые строители считали себя чем-то особенным... (А. Герцен); *У изгороди густо разросся вишеник. Но ничего похожего на рябину нигде не было видно* (Н. Рыленков).

Сочетания этой группы в предложении нечленимы, являются единым членом предложения.

Менее тесной следует признать связанность компонентов в сочетаниях, где прилагательные (причастия) субстантивируются, а местоименный компонент синсемантический. «Отрицательный языковой материал» получается только после устранения прилагательного или причастия, а при устранении местоименного компонента предложение способно к речевому функционированию, хотя, естественно, некоторая доля информации утрачивается:

Тупая тоска, которую он испытывал в полуусыпленном состоянии, сначала облегчала его как что-то новое, но потом она стала так же и еще более мучительна, чем откровенная боль (Л. Толстой); — *Ну, что ж, в этом нет ничего удивительного, — улыбается Валентина Никитична* (Н. Рыленков).

Свободнее, чем в сочетаниях рассмотренных групп, оказывается связь между компонентами в сочетаниях, состоящих из автосемантических местоимений и субстантивированных прилагательных или причастий. Здесь в результате эксперимента получается только «положительный материал», т.е. вполне пригодные к речевому использованию предложения:

И весь день ждали чего-то необычного, невиданного в этих краях. Приближение этого необычного чувствовалось во всем... (А. Иванов); *Я был твердо уверен, что ничего хорошего она там не найдет* (Н. Рыленков).

Отношения в сочетаниях этой группы близки к собственно атрибутивным, поэтому возможны варианты анализа: компоненты сочетаний можно рассматривать и как члены предложения (определение и определяемое), и как цельное сочетание, выполняющее роль единого члена предложения.

Самым свободным является соединение компонентов в таких сочетаниях, где местоимение автосеманлично, а прилагательное (причастие) не обнаруживает признаков субстантивации. При устранении местоименных компонентов получается «отрицательный языковой материал», при устранении прилагательного (причастия) — правильные, «отмеченные» высказывания:

Варя пошатнулась и уронила что-то звонкое с подоконника... (Л. Леонов); *Он так давно не видел никого постороннего и вообще так отвык от общества людей, что его взяла оторопь* (М. Салтыков-Щедрин). Ср.: *Варя пошатнулась и уронила что-то с подоконника (при невозможности: «уронила звонкое с подоконника»)*.

В этой группе сочетаний возможны в строе предложения дистантные, обособленные и даже парцеллированные прилагательные или причастия:

Я ничего не могу сказать этому человеку утешительного... (Л. Толстой); *Вдали что-то зачернелось неопределенное и в то же время неуклюжее* (А. Серафимович); *Не тешила его уже ни охота, ни благородные рыцарские игры — ничто, наполнявшее прежде его дни...* (Т. Щепкина-Куперник); — *Вы, верно, сделали что-нибудь...* — сказала Наташа и помолчала, — *хорошее* (Л. Толстой).

Сочетания рассмотренной группы являются свободными, а их компоненты — членами предложения (определением и определяемым).

Согласованные определения при неопределенных местоимениях обычно постпозитивны и контактны, редко обособляются, употребляются чаще при определении в косвенных падежах. Препозитивные определения при подлежащем редки и воспринимаются как инверсированные: *Было нечистое что-то* в позе Васеньки, в его взгляде, в его улыбке (Л. Толстой).

Постпозитивные определения при подлежащем встречаются в предложениях моделей СПО, ПОС и ПСО. Ср. употребительность определений в предложениях при подлежащем — личном местоимении: ПСО, ПОС, СПО. Самая частотная модель в примерах с неопределенными местоимениями (СПО) в предложениях с личными местоимениями оказывается редкой; наоборот, модель ПСО, редкостная в случаях с неопределенными местоимениями, активизируется при использовании личных местоимений. Это, конечно, не случайно: личные местоимения, как конситуативно конкретизированные слова, больше подходят для роли подлежащего в предложениях с повествовательным порядком слов, где в аспекте актуального членения они входят в состав «данного» (темы); неопределенные местоимения, как слова без конситуативной конкретизации, больше подходят для роли подлежащего в предложениях с описательным порядком слов, где в аспекте актуального членения они входят в состав «нового» (ремы).

В предложениях модели СПО неопределенные местоимения обычно синсемантически, что прямо связано с описательным порядком слов. Атрибутивные распространители входят в состав синтаксически нечленимых сочетаний, являющихся принадлежностью «нового» (ремы): *И точно, в ее голосе было что-то страшное...* (И. Тургенев); *И в этом нервном движении было что-то жалкое...* (А. Куприн).

В предложениях модели ПОС (повествовательный порядок слов) неопределенные местоимения в основном автосемантически и могут входить в состав темы (их категориальное значение препятствует вхождению в состав «данного»): — *Что-то грозное* нависало над нашими душами... (А. Фадеев); *Что-то громадное* входило в жизнь... (К. Паустовский).

В предложениях модели ПСО (самых малоупотребительных) определения обычно обособляются: *Тогда за каждым кустом, за каждым деревом как будто еще кто-то жил, для нас таинственный и неведомый...* (Ф. Достоевский).

Определения при неопределенных местоимениях в косвенных падежах в массовых случаях постпозитивны (препозиция воспринимается как инверсия). Ср.: Оглянувшись на мост, на воды Эмса, Несвицкий вдруг услышал еще новый для него звук быстро *приближающегося чего-то большого и чего-то шлепнувшегося* в воду (Л. Толстой); Он даже чувствовал *обидное что-то...* (М. Горький).

Отрицательные местоименные существительные отличаются от неопределенных тем, что сочетаются с прилагательными и причастиями только в строе предложения: словосочетаний как номинативных единиц (в соответствии с концепцией В.В. Виноградова) они не образуют. Нормативно прилагательные и причастия при отрицательных местоимениях постпозитивны и контактны; в массовых случаях они употребляются при определяемом в род. пад. При определяемом в им. пад. они редки: — Дай бог Вам счастья, и пусть *ничто временное и житейское* не тревожит Вашу прекрасную душу (А. Куприн).

Препозитивные атрибутивные распространители возможны иногда при определяемом в косвенном падеже; они воспринимаются как инверсированные, имеют усиленное ударение и — ввиду синсемантичности определяемых слов — не являются членами предложения: Привычки Александра были таковы, что *невероятного ничего* тут не было (Л. Толстой).

Постпозитивные прилагательные и причастия выполняют следующие синтаксические функции:

1) при синсемантичных отрицательных местоимениях — функцию зависимого компонента синтаксически нечленимого сочетания; 2) при автосемантичных отрицательных местоимениях субстантивированные прилагательные и причастия обнаруживают, с одной стороны, близость к согласованному определению, а с другой — к грамматически зависимому компоненту синтаксически нечленимого сочетания; 3) при автосемантичных отрицательных местоимениях несубстантивированные прилагательные и причастия — это согласованные определения, которые могут быть дистантными и даже обособленными, но не имеют обычно обстоятельственных оттенков значения. Ср.:

Ездили мы с Ральстаном к водяной мельнице Тургенева, не представляющей, разумеется, *ничего живописного...* (А. Фет); Этот факт сам по себе еще *ничего дурного* не означает (А. Чаковский); Он не считался слишком красным, но вместе с тем *ничем порядочным* себя не заявил (Т. Щепкина-Купеник); Я *ничего* не могу припомнить *значительного...* (А. Куприн); После двенадцати я сменил Лужнова. Как он доложил, *ничего, представляющего интерес*, за утро не произошло (В. Богомолов).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- [2] Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- [3] Дурново Н.Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 2. Синтаксис. М.; Л., 1925.
- [4] Кацнельсон С.Д. Валентность // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
- [5] Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

- [6] *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- [7] *Максимов Л.Ю.* Обособление присубстантивных косвенных падежей существительных // РЯШ. 1962. № 5.
- [8] *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- [9] *Смолянинова М.И.* К вопросу о функции и грамматической природе компонентов в составе местоименных сочетаний // Семантическая структура словосочетаний и предложений русского языка. Тула, 1978.
- [10] *Смолянинова М.И.* К вопросу о значении и употреблении местоименных сочетаний типа *что-то блестящее, нечто удивительное* // Семантическая структура словосочетаний и предложений русского языка. Тула, 1978.
- [11] *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
- [12] *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 2001.
- [13] *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
- [14] *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- [15] *Якобсон Р.О.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983.